

1730

Тридцать душ - цена «конституции»

В ночь на 19 января 1730 г. в московском Лефортовском дворце (он и поныне стоит на берегу Яузы) умирал от оспы Петр II. Члены высшего государственного органа страны — Верховного тайного совета — должны были решать судьбу монархии — 15-летний император был последним мужчиной в роде Романовых.

Кто же реально управлял империей в царствование внука Петра Великого? Это братья князя Голицыны, предки которых соперничали с Романовыми на «выборах» в 1613 г. Старший, Дмитрий Михайлович, президент Камер-коллегии; младший, фельдмаршал Михаил Михайлович, за годы Северной войны стал одним из лучших российских полководцев и командовал расположенной на Украине армией.

Наиболее близкими к умиравшему Петру II были князья Долгоруковы — ведавший царской охотой Алексей Григорьевич (его дочь так и осталась царской невестой), умный и опытный дипломат Василий Лукич и фельдмаршал Василий Владимирович, недавно вернувшийся из завоеванных персидских провинций.

Формальным главой этого «правительства» был пожилой канцлер (так называли в России руководителей внешнеполитического ведомства — Коллегии иностранных дел) Гавриил Иванович Головкин, но истинным руководителем российской дипломатии был его заместитель — бывший немецкий студент, ставший российским бароном, — Андрей Иванович Остерман.

Эти семь человек избрали на царство представительницу старшей линии династии — дочь царя Ивана герцогиню Курляндскую Анну¹.

¹В качестве претенденток на престол рассматривались также великая княжна Елизавета Петровна и даже невеста Петра II Екатерина Долгорукова. Выбор пал на Анну Иоанновну, скорее всего в расчете на ее податливость. Овдовевшая после нескольких дней замужества (курляндский герцог скончался по дороге со свадебных торжеств, не выдержав безмерных петровских возлияний) и влачившая довольно жалкое существование в нищей сравнительно с Петербургом Митаве, Анна действительно готова была принять корону на любых условиях.

Но вслед за этим Д.М. Голицын предложил собравшимся «воли себе прибавить». «Хоть и зачнем, да не удержим этого», — откликнулся на это заявление В.Л. Долгоруков. «Право, удержим», — настаивал Голицын и пояснял: «Будь воля наша, только надобно, написав, послать к ее величеству пункты». Так появились на свет «кондиции» (позднее Анна назвала их «коварными письмами»), которые принципиально меняли вековую форму правления.

«.. По принятии короны российской, в супружество во всю мою жизнь не вступать и наследника, ни при себе, ни по себе никого не определять. Еще обещаемся, что понеже целость и благополучие всякого государства от благих советов состоит, того ради мы ныне уже учрежденный Верховный тайный совет в восьми персонах всегда содержать и без оно го Верховного тайного совета согласия:

1) Ни с кем войны не всчинять.

2) Миру не заключать.

3) Верных наших подданных никакими новыми податми не отягощать.

4) В знатные чины, как в статцкие, как и в военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ни же к знатным делам никого не определять, и гвардии и прочим полкам быть под ведением Верховного тайного совета.

5) Ушляхетства и имения и чести без суда не отымать.

5) Вотчины и деревни не жаловать.

7) В придворные чины, как русских, так и иноземцев, без совету Верховного тайного совета не производить.

8) Государственные доходы в расход не употреблять. И всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать.

А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны, российской» (Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С. 17—18).

Этот шаг министров, прошедших огонь, воду и медные трубы петровских войн и реформ, не был внезапным. Петр хотел пробудить у подданных инициативу, ответственность, чувство долга — но оставлял их при этом в условиях всеобщей несвободы. Сосредоточение в руках

монарха всей полноты власти с опорой на армию и бюрократию не могло рано или поздно не вызвать оппозиции со стороны самой опоры этой власти — российского служилого дворянства. Ведь именно в петровское царствование эти самые дворяне (и прежде всего наиболее знатные) по воле царя-реформатора познакомились с европейскими нравами и порядками.

Побывавший послом во Франции Людовика XIV Андрей Матвеев был в восхищении от «Версальской слободы» и увидел «на обеде у короля чин слово в слово весь двора московского старого». Но он же подчеркнул в своих записках: «Но хотя то королевство деспотическое или самовладествующее, однако самовластием произвольным николи же что делается, разве по содержанию законов и права, которые сам король, и его совет, и парламент нерушимо к свободе содержит всего народу».

Первая попытка такого рода была предпринята уже в 1725 г. Во время предсмертной болезни императора Д.М. Голицын, В.Л. Долго-руков, Г.И. Головкин и ряд других «министров» выступили против передачи трона жене Петра — Екатерине. Это было не выступление аристократов против бывшей мужички неизвестной национальности (существует восемь версий происхождения этой российской императрицы!). И не борьба между «боярами» — сторонниками сына царевича Алексея, с одной стороны, и продолжателями петровских реформ, с другой, — как это до сих пор изображается во многих учебниках. Сенаторы и президенты коллегий хотели авторитетом Сената ограничить власть регентши Екатерины при маленьком императоре Петре II. Произвол абсолютной власти несколько упорядочивался бы рамками «европейского» образца.

Тогда — не удалось. Противники оказались сильнее. Искусный дипломат П.А. Толстой пугал собравшихся во дворце вельмож неизбежной усобицей при царе-мальчишке. Напористый фельдмаршал Меншиков привел с собой гвардейских офицеров, от имени которых выступил майор Андрей Ушаков: «Гвардия желает видеть на престоле Екатерину и... готова убить каждого, не одобряющего это решение». Неутешная вдова Екатерина нашла силы, чтобы приготовить для своих защитников «векселя, драгоценные вещи и деньги». Расходные книги царского кабинета сообщают, что воцарение императрицы обошлось в 30 тыс. руб., из которых 23 тыс. руб. выплатили солдатам гвардии; остальное пошло на «тайные дачи» майору Ушакову и другим

офицерам, в том числе сержанту Петру Ханыкову, который со своим бессменным караулом обеспечил изоляцию умиравшего императора от всяких нежелательных посетителей.

Они проиграли. Но все же впервые в России вопрос о престолонаследии решался в открытом споре — пусть и далеко не парламентском. Манифест о начале нового царствования был издан не от имени Екатерины: присягать новой государыне «правительствующий Сенат и святейший правительствующий Синод и генералитет согласно приказали» — это означало слегка замаскированное избрание монарха. Добрая, но неграмотная императрица управлять государством не могла, да и не имела времени: петербургский двор, как доносил своему правительству польский посол Иоганн Лефорт, «целую ночь проводит в ужасном пьянстве и расходится, это уж самое раннее, в пять или семь часов утра». При государыне пришлось создать в 1726 г. Верховный тайный совет, который с тех пор фактически управлял страной.

Теперь, наконец, настало «время, чтоб самодержавию не быть». Посланцы Совета во главе с В.Л. Долгоруковым срочно выехали к Анне в Митаву с письмом, утверждавшим, что избрана она не только самим Советом, но «и духовного и всякого чина шведскими людьми», что не соответствовало действительности. Вечером 25 января 1730 г. Анна подписала «кондиции»: «Такое по сему обещаю без всякого изъятия содержать». Росчерком пера самодержавная монархия в России стала ограниченной ровно на месяц — с 25 января по 25 февраля 1730 г., до следующего государственного переворота. Большинство подданных об этом так никогда и не узнало, но при ином раскладе политических сил эти ограничения могли бы стать рубежом в нашей истории. Неудивительно, что и оценки этого события оказывались противоположными.

«Официальная» точка зрения сложилась уже в XVIII в.: коварные вельможи избрали на престол Анну Иоанновну (1730—1740) и обманом ограничили ее власть ради собственного «властолюбия». Но благородные дворяне не могли вынести такое унижение монарха, вручили императрице самодержавную власть и низвергли бояр-«олигархов».

Коронованный историк — Екатерина II — однозначно оценила их возможную победу как катастрофу: «Безрассудное намерение Долгоруких при восшествии на престол императрицы Анны неминуемо повлекло бы за собой ослабление и —

следственно, и распад государства; но к счастью намерение это было разрушено здравым смыслом большинства».

Однако в общественной мысли появилась и иная позиция. Историк князь М.М. Щербатов в своем памфлете «О повреждении нравов в России» полагал, что те, кто в 1730 г. потерпели неудачу, «предопределили великое намерение, ежели бы самолюбие и честолюбие оное не помрачило, то есть, учинить основательные законы государству, и власть государеvu Сенатом или парламентом ограничить».

В новейших отечественных учебниках также можно встретить эту традиционную оценку действий членов Верховного тайного совета как попытку установления «олигархической формы правления» в интересах старинных боярских родов. Между тем еще маститые историки XIX — начала XX в. (С.М. Соловьев, Д.А. Корсаков, П.Н. Милюков) показали, что не все было так просто: на самом деле собравшиеся в Москве дворяне в спорах создали несколько проектов нового государственного устройства России и вовсе не сразу попросили Анну принять самодержавие. Некоторые авторы даже полагают, что победа «верховников» означала бы «культурный сдвиг» в истории России, т. е. участие общества в управлении страной и контроле над государственной властью.

Если бы перенести современные средства передвижения в то время, то немедленное прибытие растерянной Анны с подтверждением «кондиций», пожалуй, могло бы и вправду резко изменить политический строй страны и упрочить положение Совета.

Подписанные императрицей «кондиции» тут же были бы опубликованы вместе с соответствующим манифестом и проведением присяги — все это поставило бы власти империи перед совершившимся фактом. А затем от имени Анны последовали бы раздачи чинов, наград и должностей для одних и отправка подальше от столицы недовольных: в полки, в персидские провинции, на воеводства и губернаторства. Позднее начались бы коронационные торжества с новыми милостями... Быстрота, пожалуй, сулила членам Совета — «верховникам» известные шансы на успех, хотя бы на какой-то срок.

Но время работало против «верховников». Для доставки Анны и ее свиты необходимо было приготовить не менее 1500 подвод и множество лошадей. Да и путешествовать с курьерской скоростью императ-

рица не могла: необходимы были торжественные встречи с парадными войсками и молебнами, остановки для отдыха и ночлега, для чего искали подходящие дома, где бы «тараканов не было». Только утром 29 января Анна отправилась в путь, занявший почти две недели.

В России и тогда было «все — секрет, но ничего — не тайна». Властные действия Совета и отсутствие точной информации не могли не волновать и не раздражать дворян, съехавшихся в столицу на царскую свадьбу и попавших на похороны Петра III. В этой среде обсуждали слухи о каких-то посланных к государыне письмах и подозревали правителей в желании захватить власть. В то же время, судя по донесениям иностранных дипломатов, шли споры насчет будущей «формы правления»: «Одни хотят ограничить права престола властью парламента, как в Англии; другие — как в Швеции; иные думают сделать престол избирательным, по примеру Польши; иные же, наконец, высказывают мнение, что нужно разделить всю власть между вельможами, находящимися в государстве, и образовать аристократическую республику...»

Только 2 февраля «верховники» объявили в Кремле о согласии Анны и предъявили «кондиции». От такой новости «шляхетство» пришло в смущение — с чего это государыня сама себя «изволила» ограничить? Но князь Дмитрий Михайлович Голицын не допустил возражений — он предложил собравшимся самим разработать и подать в Совет проекты нового государственного устройства.

Дворянское «общенародие» и его проекты

До нас дошли составленные в те дни семь дворянских проектов. Наибольшее значение из них имел самый представительный «проект 364» (по числу подписей под ним). Этот проект, как и остальные, отражал чаяния пережившего годы войн и реформ служилого сословия: отмену закона о единонаследии 1714 г.; определение сроков дворянской службы и неназначение дворян рядовыми солдатами и матросами, «порядочное произвождение» по службе.

Главным же был вопрос о формировании верховной власти. «Проект 364» предусматривал создание «Вышнего правительства» из 21 «персоны». Это правительство, а также Сенат, губернаторов и президентов коллегий предстояло «выбирать и балатировать генералитету и

шляхетству... а при балатировании быть не меньше ста персон». Таким образом, проект предполагал упразднить Верховный тайный совет в его прежнем качестве и составе — при выдвижении кандидатов надлежало «более одной персоны из одной фамилии не выбирать». Кроме того, предлагалось создать еще одно «собрание», которое бы назначало на ключевые должности в системе управления и устранило от этого «Вышнее правительство».

Принять такое устройство «верховники» не могли: оно означало отстранение от власти их самих — тех, кто первым предложил ограничить деспотизм. В ответ Совет подготовил свой «проект формы правления». Дворянам было обещано производство по «заслугам и достоинству», освобождение от службы в рядовых солдатах и матросах и жалование «без задержания». Совет согласился на увеличение своего состава путем выборов (но не более пяти новых членов), признавал выборы сенаторов и президентов коллегий и созыв представителей сословия для решения «новых и важных дел». Но выбирать должны были... только сами «верховники» вместе с Сенатом!

Такое «представительство» не устраивало «оппозицию», и члены Совета это поняли. Они даже не стали оглашать свой план, и в последующие дни попытались создать новый документ: «Способы, которыми, как видитца, порядочнее, основательнее и тверже можно сочинить и утвердить известное толь важное и полезное всему народу и государству дело». Князь Голицын и его коллеги сделали еще один шаг навстречу оппозиции. Они предложили, чтобы «шляхетство» избрало бы «единосердечным согласиём... годных и верных отечеству людей от дватцати до тритцати человек и утвердили б их письменно так, что оне внизу написанным порядком к ползе отечества сочинят и утвердят, и то имеет вечно твердо и нерушимо быть».

«Внизу написанный порядок» подразумевал создание чего-то вроде Учредительного собрания из 20—30 человек для сочинения нового государственного устройства, куда могли бы приглашаться не только дворяне, но и представители других сословий (духовенства, купечества и «от всякого чина») при обсуждении дел, касающихся этой группы. Сами депутаты должны были иметь «от своего чина выбор и верюшие письма за руками».

Но если приглядеться к содержанию этого документа, то можно увидеть, что и эта уступка была весьма относительной. Во-первых, только Верховный тайный совет имел законодательную инициативу

на весь период составления нового законодательства. Во-вторых, депутатов еще предстояло выбрать с участием всех дворян империи. Сколько бы ушло времени на «избирательную кампанию» при понятных технических трудностях и обычном «нетстве», т. е. уклонении дворян от вызова в столицу на очередную тягостную службу? И в-третьих — новые законы должны были последовательно и единогласно приниматься сначала депутатами, затем Сенатом и... самим Верховным тайным советом. Таким образом, «верховники» гарантировали себе решающую роль в управлении. Но это означало, что они не смогли договориться с оппозицией в главном вопросе о власти.

С другой стороны, при взгляде на «проект 364» и другие «прожекты» с точки зрения нашего современника, хоть немного знакомого с проблемой становления более «демократической» политической системы, нельзя не заметить некоторой невнятности предлагавшихся мер. Как, например, можно и нужно было организовать выборы в собрание из 100 «персон» по всей стране? Кто мог избирать и избираться? Перед кем такой избранник отвечал бы? Какие именно вопросы были бы в компетенции такого собрания и как его деятельность сочеталась бы с практикой «общего совета» с генералитетом и шляхетством? Как разграничивались бы его полномочия с «Вышним правительством» и императором, о котором проекты вообще не считали нужным упоминать?

Но кто же решал судьбу империи в зимней Москве 1730 г.? Там присутствовало примерно 2/3 «чинов» первых четырех классов (74 чел.), т. е. те, кто реально держал в руках власть в стране. Кроме «генералитета», в спорах участвовало еще около 500 дворян низших рангов — они оставили свои подписи на проектах и засвидетельствовали знакомство с «кондициями».

Сейчас мы располагаем сведениями о чине и служебном положении большинства дворян (85%), подписавшихся под «проектом 364»; известны также возраст и имущественное положение примерно половины из них. Эти данные дают возможность представить «коллективный портрет» участников «проекта 364». Из 318 человек, чины которых нам известны, 58% принадлежали к среднему звену по Табели о рангах: полковники и коллежские советники, подполковники, майоры и коллежские асессоры, капитаны. Из лиц с известным нам возрастом (127 из 185) 69% составляют люди зрелые и пожилые (51 чел. в возрасте 41—50 лет и 76 в возрасте 51—60 лет). Почти полови-

на из тех, данными о чьем землевладении мы располагаем (73 чел. из 153), обладали именьями с количеством крепостных от 101 до 500 душ, у 32 чел. было более 500 душ, у 39 — менее 100 душ, у 9 чел. вотчин не было.

Получается, что в оппозиции Верховному тайному совету были те, кто составлял «становой хребет» российской государственности — опытные и зрелые (с осторожностью можно сказать, что и не самые бедные) офицеры и чиновники, занимавшие средние командные должности в армии и государственном аппарате. Заметно меньше представлена дворянская молодежь, зато довольно высока доля отставных — 26% (78 из 303 участников с известным нам служебным положением).

Среди них были посланные в свое время за границу «пенсионеры»; капитаны и лейтенанты нового флота; боевые офицеры, заканчивавшие карьеру на мирных должностях провинциальных воевод. Рядом стоят имена верных денщиков Петра I и проворовавшихся чиновников. В центр событий попали вызванные на смотр армейские офицеры и другие «командированные» — ожидавшие новых постов бывшие прокуроры или назначенные Сенатом для сбора недоимок в провинциях офицеры. Уничтожавший власть императора проект подписали чины московской полиции во главе с обер-полицмейстером, а вместе с ними — начинавшие карьеру камер-юнкеры. Рядом со старинными чинами «стольников» и «жильцов» подписи ставили представители иного поколения — обучавшийся в Париже и прикомандированный к Академии наук (и одновременно — французский шпион) Алексей Юров и «архитектурного и шлюзного дела мастер» Иван Мичурин.

Смещение имен, чинов, карьер, поколений, знатности и «подлости» не дает однозначного ответа на вопрос — что заставило этих людей вступить в «политику». Можно отметить только отраженное во всех проектах осознание сословных шляхетских интересов. Но вопрос о власти расколол «генералитет». В числе членов Совета находились два российских фельдмаршала — М.М. Голицын и В.В. Долгоруков. На стороне их противников оказался весь наличный «русский» состав высшего армейского командования: три генерал-лейтенанта и шесть генерал-майоров. На стороне «оппозиции» оказались трое из шести сенаторов — И.Г. Головкин, В.Я. Новосильцев, А.М. Черкасский.

Среди подписавших «проект 364» мы находим президентов нескольких коллегий и их советников; руководителей других учреждений

(главу Доимочной канцелярии, обер-прокурора Синода; начальника Оружейной и Мастерской палаты). Таким образом, в рядах оппозиции оказалось руководство не только армии, но и центрального государственного аппарата. Наконец, в рядах оппозиции выступили влиятельные придворные — камергеры А.Г. Строганов, С.Г. Нарышкин, С.В. Лопухин; старый обер-гофмейстер Петра I и Екатерины I, бывший глава Дворцовой канцелярии М.Д. Олсуфьев и ее нынешний директор гофмейстер А. Елагин.

Как и о чем спорили дворяне в условиях небывалой «гласности»? Редкие письма и следственные дела эпохи донесли до нас отзвуки дискуссий. Вице-президент Коммерц-коллегии Генрих Фик (один из создателей коллежской системы центрального управления в России), по словам сослуживцев, радовался, что «не будут иметь впредь фаворитов таких как Ментиков и Долгорукой», и мечтал «о правительстве как в Швеции». На это ассессор Рудаковский «ответствовал ему, что в России без самодержавства быть невозможно, понеже Россия кроме единого Бога и одного государя у многих под властью быть не пожелает».

Капитан-командор Иван Козлов тоже был доволен: императрица может по своей воле потратить только выделенные ей 100 000 руб., «.. а сверх того, не повинна она брать себе ничего, разве с позволения Верховного тайного совета; также и деревень никаких, ни денег не повинна давать никому...». Но подписи самого автора под проектами нет, хотя он был в это время в Москве и даже удостоился аудиенции в Верховном тайном совете. Рисковать карьерой желали не все, как не все интересовались заморскими порядками. Многие культурные начинания затронули лишь узкий слой дворянства. Если для просвещенного Феофана Прокоповича Гуго Греции был «славным законоучителем», то в дворянской массе скорее можно было услышать:

«Гроциус и Пуфендорф и римские права —

О тех помнить нечего: не на наши нравы».

Отсюда и иной уровень споров. «В смысле укора неограниченной власти в России, — докладывал датский посланник Вестфален, — представляют случай, бывший в правление царицы Екатерины. В кратковременное свое правление она израсходовала для своего двора венгерских вин на 700 000 рублей и на 16 000 рублей данцигских водок в то самое время, когда тысячи ее подданных терпели недостаток в насущном хлебе. На этот рассказ люди иных воззрений отвечают: "Одна ласточка весны не составляет"».

«Батюшка де мой з другими... не хотел было видеть, чтоб государыня на престоле была самодержавная. А генерал де Ушаков — переметчик, сводня; он з другими захотел на престол ей, государыне, быть самодержавною. А батюшка де мой как о том услышал, то де занемог и в землю от того сошел», — передавала состояние генерала Г.Д. Юсупова его дочь, сосланная в том же 1730 г. по доносу родного брата за то, что собиралась «склонить к себе на милость через волшебство» новую императрицу. Князь Юсупов, как и «другие» из генералитета, был не против умерить власть императрицы, хотя отнюдь не был «конституционалистом» — просто «наперед слышал, что она будет нам благодетельница». Видимо, для знатного генерала, как и для мелкопоместного служивого, сравнение достоинств той или иной заграничной «формы правления» отступало на задний план перед простыми и понятными примерами. И примеры эти «работали» как против «верховников», так и против «конституционалистов».

Пока члены Совета молчали (ни один из их планов не оглашался и не обсуждался), подняли головы их противники — те, кто не желал никаких перемен. Талантливый публицист и «имиджмейкер» петровской монархии архиепископ Феофан Прокопович умело обращался к разным уровням восприятия в своей агитации против Верховного тайного совета: «Все проклинали необычное их дерзновение, несытое лакомство и властолюбие. И везде в одну, почитай, речь говорено, что если по желанию оных господ делается (от чего сохранил бы Бог!), то крайнее всему отечеству настоят бедство. Самим им господам нельзя быть долго с собою в согласии: сколько их есть человек, чуть ли не столько явится атаманов междоусобных браней, и Россия возымет скарредное оное лице, каковое имела прежде, когда на многая княжения расторгнена, бедствовала».

Для одних здесь на первое место выставлялись «лакомство и властолюбие» «верховников» — семейство Долгоруковых использовало свою близость к трону для обогащения. Для более грамотных Феофан приготовил ссылку на эпоху раздробленности страны: утверждение у власти нескольких знатных родов грозит распадом империи! Эти угрозы действовали — казанский губернатор Артемий Волынский именно так и оценивал доходившие из Москвы новости: «Боже сохрани, чтоб не сделалось вместо одного государя десяти самовластных и сильных фамилий: и так мы, шляхетство, совсем пропадем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать».

Иной же опыт государственности, похоже, не вспоминался. Дворянские проекты не упоминали ни Земские соборы XVI—XVII вв., ни попытки ограничения самодержавия в эпоху Смуты. Воспитанным в эпоху реформ участникам событий было трудно ломать созданную самим Петром Великим государственную машину. И это обстоятельство умело использовалось их противниками. Дипломаты отмечали: имя Петра I стало в 1730 г. аргументом в шляхетских спорах в виде «громогласных обвинений, словесных и письменных, против Голицыных и Долгоруких за непримиримую их ненависть к памяти Петра Великого и к его несчастному потомству».

«Конституционалистам» противопоставляли величие и заслуги Петра. Конечно, люди уровня князя Д. М. Голицына нашли бы что ответить. Но что было делать тем служивым, кто не привык к ученым спорам? Тем более что многих из них именно петровские реформы «вывели в люди», дали возможность получать чины, ордена, крепостные души. Даже идейный «прожектор» Василий Никитич Татищев в своей «Истории российской» оценил Петровскую эпоху такими словами: «Все, что имею — чины, честь, имение и, главное над всем, разум — единственно все по милости его величества имею, ибо если бы он меня в чужие края не посылал, к делам знатым не употреблял, и милостию не ободрял, то бы я не мог ничего того получить».

А «верховники» продолжали молчать. Члены Совета съезжались, решали текущие дела, но так и не обнародовали никакой новой «формы правления». Быть может, правители были слишком уверены в себе? Или правы дипломаты, докладывавшие о разногласиях среди них? Совет так и не решил опубликовать «кондиции», вопреки «особливой секретной записке» фельдмаршала В. В. Долгорукова. Документальным свидетельством споров в рядах «верховников» осталась записка В. Л. Долгорукова: опытный дипломат уговаривал коллег как можно скорее «убегнуть разногласия» и «удовольствовать народ», а для этого — немедленно пополнить Совет новыми членами, т. е. принять главное требование оппозиции. Но ничего сделано не было — правители упускали инициативу.

Возможно, они уже были готовы капитулировать? Именно так можно расценить информацию посла Лефорта: за день до «революции», 24 февраля, правители решили «объявить ее величество самодержицей, что и исполнили все члены собрания вместе. Она ответила им, что для нее недостаточно быть объявленной самодержицей только

восемью лицами». Так это было или иначе, но в любом случае пассивность «верховников» сыграла на руку крепнувшей «партии» сторонников самодержавия.

Хроника «революции» 25 февраля 1730 года

Ядро этой «партии» стало складываться сразу, как только стало известно имя новой императрицы и поползли слухи об ограничении ее власти. Это родственники Анны Салтыковы, и прежде всего ее дядя В.Ф. Салтыков и двоюродный брат, майор Преображенского полка С.А. Салтыков; затем третий фельдмаршал князь И.Ю. Трубецкой и придворные вроде камергера Р. Левенвольде. Другую группу представляли фигуры, всем обязанные петровским реформам: генерал-прокурор Павел Ягужинский и Феофан Прокопович. Ягужинский первым просил «прибавить нам как можно воли». Но как только он понял, что оказался за пределами избранного круга правителей, то быстро переменял позицию и тайно отправил своего гонца — доложить Анне об обстоятельствах ее избрания и предостеречь от подписания «кондиций». Загадочной остается роль А.И. Остермана. Не исключено, что опытный бюрократ и дипломат вполне мог вписаться в новое государственное устройство; но вот играть первую скрипку при решении внешнеполитических вопросов Д.М. Голицын и В.Л. Долгоруков ему вряд ли позволили бы. Остерман демонстративно «заболел» и устранился от участия в работе Совета — но он же после переворота стал одним из наиболее доверенных лиц императрицы и ее бессменным кабинет-министром.

Феофан был искренним сторонником реформ, и принять ломку этой системы ему было трудно, если не невозможно. Не исключено, что и его можно было склонить к сотрудничеству — Феофан был одним из немногих лиц, разбиравшихся в политической теории и идеях своего времени. Но ему надо было обеспечить достойное место в политике, а князь Д.М. Голицын откровенно презирал пресмыкавшееся перед властью высшее духовенство. И новгородский архиепископ стал руководителем пропагандистской кампании против «затейки» правителей.

Умелая пропаганда на фоне молчания правителей помогла создать нужные настроения в гвардии. Считается, что в 1730 г. гвардейцы

участвовали в подготовке проектов. Однако среди подписавших можно найти не более десятка преображенное и семеновцев. В обсуждениях и подписании проектов участвовала гвардейская верхушка (майоры и подполковники) и некоторые вчерашние гвардейцы, опять-таки люди старшего возраста и высокого служебного ранга. Однако это движение не затронуло основную массу гвардейских офицеров и солдат. Эта гвардейская среда и стала ударной силой последовавшей «революции».

Спустя два дня после прибытия в село Всехсвятское под Москвой Анна рискнула нарушить принятые ею «кондиции» при представлении ей батальона Преображенского полка и кавалергардов. Гвардейцы во главе с майором Василием Нейбушем «с криками радости» бросились в ноги к своей «полковнице», а более высокие по чину и положению кавалергарды удостоились приема в «покоях» и получили из рук Анны по стакану вина. Эта «агитация» была куда более доходчивой, чем какие-то политические проекты... Ответным ходом правителей был их визит к Анне, и князь Д.М. Голицын в приветственной речи напомнил Анне о взятых на себя обязательствах.

Но это были не более чем слова. Императрица «набирала очки» в глазах гвардейцев. 12 февраля она произвела Преображенского сержанта Григория Обухова в прапорщики и трех солдат в капралы. На следующий день капитаны того же полка Александр Лукин и Дремонт Голенищев-Кутузов стали майорами, т. е. вместе с третьим майором Семеном Салтыковым фактическими командирами полка. 16 февраля императрица пожаловала адъютанта И. Чеботаева через чин сразу в капитан-поручики, «дабы на то другие смотря, имели ревность к службе».

15 февраля Анна, как сообщал газетный «репортаж» тех дней, «изволила пред полуднем зело преславно, при великих радостных восклицаниях народа в здешней город свой публичный въезд иметь». Она поклонилась праху предков в Архангельском соборе и проследовала под пушечную и ружейную пальбу полков в свои «покои» в Кремлевском дворце. В тот же день все гвардейские солдаты получили от Анны по рублю; на следующий день началась раздача вина по ротам, а 19 февраля полки получили жалование.

Эти «именные повеления» воскрешали образ великого дяди — основателя гвардии и любимого полковника. Не случайно именно в эти дни французский резидент Маньян отметил вдруг появившееся «весь-

ма высокое мнение о личных достоинствах этой государыни» и «великих талантах, признававшихся за ней Петром». Так буквально на глазах творилось в зимней Москве 1730 г. «общественное мнение». Недалекая и в общем-то несчастная Анна, заброшенная по воле Петра в курляндскую глушь, внезапно представала как истинная преемница великого императора.

Следующим этапом в «перетягивании» власти на сторону императрицы стала присяга. «Верховники» не рискнули сделать каких-либо принципиальных изменений в ее тексте, и для подданных Анна оставалась, безусловно, самодержицей.

21 февраля Анна даровала отставку от службы 169 гвардейцам. 23-го она отстояла службу в Успенском соборе и «публично кушала» во дворце. «Ведомости» отметили: «Дамские особы в презрительном убранствии... явились». Дипломаты и мемуаристы свидетельствуют, что придворные дамы активно участвовали в действиях «партии» самодержавия. Урожденные сестры Трубецкие — П.Ю. Салтыкова (жена будущего фельдмаршала П.С. Салтыкова) и М.Ю. Черкасская (жена кабинет-министра А.М. Черкасского), А.И. Чернышева (жена генерала Г.П. Чернышева), Е.И. Головкина (двоюродная сестра Анны и жена сына канцлера), дочь канцлера А.Г. Ягужинская — стали передаточным звеном между вождями «партии» и императрицей, находившейся под присмотром В.Л. Долгорукова. Дамская «эмансипация» и приобщение к «политике» — тоже один из результатов петровских реформ, сказавшийся в это бурное время.

Именно Прасковья Салтыкова была послана ночью 24 февраля известить Анну, что наутро ей поднесут челобитную от недовольного действиями Верховного тайного совета дворянства.

25 февраля 1730 г. наступила развязка — во дворец явилась депутация дворян во главе с «оппозиционерами» в генеральских чинах — Г.П. Чернышевым, Г.Д. Юсуповым, А.М. Черкасским. Но вначале императрице подали не то, что она надеялась увидеть. Мы не знаем, кто был автором нового документа («первой челобитной») и как именно он появился на свет; большинство исследователей считает его делом рук В.Н. Татищева. В нем императрице предлагалось не восстановить самодержавие, а «соизволить собраться всему генералитету, офицерам и шляхетству по одному или по два от фамилий, рассмотреть и все обстоятельства исследовать, согласно мнениям по большим голосам форму правления государственного сочинить».

Интересно не столько содержание этого прошения — оно повторяло то, что уже было высказано в проектах, — сколько подписи под ним. Почти три четверти из них принадлежало офицерам и кавалергардам, кто не участвовал прежде в составлении каких-либо проектов. Почему они подписали текст, призывавший не к восстановлению самодержавия, а к учреждению нового «собрания» для составления будущей «формы правления»? Виной тому была ночная спешка — или убежденность в том, что бумага направлена против ненавистных «верховников»? Если это так, то Татищев, вольно или невольно, повторил ошибку своих оппонентов-«верховников»: выказался от имени тех, кто не разбирался в замысле или далеко не во всем его разделял.

Анна подписала поданную ей бумагу, противоречившую позднейшей официальной позиции, согласно которой подданные единодушно желали именно самодержавия. Потом этот документ таинственным образом исчез и известен нам только по неведомо кем и когда сделанной копии. Видимо, подписавшие его высокопоставленные лица уж очень не хотели сохранять такое свидетельство их нелояльности. Тогда, наверное, дело верховников не было окончательно проиграно — все-таки Анна еще неуверенно себя чувствовала в качестве императрицы. Но оказавшиеся во дворце гвардейцы (а вместе с ними, надо полагать, и те, кто, не думая, подписывал прошение) потребовали возвращения императрице ее законных прав: «Государыня, мы верные рабы вашего величества, верно служили вашим предшественникам и готовы пожертвовать жизнью на службе вашему величеству, но мы не потеряем ваших злодеев! Повелите, и мы сложим к вашим ногам их головы!» Под крики офицеров испуганное шляхетство подало вторую челобитную с просьбой «всемилостейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имели».

В зале присутствовали старшие обер-офицеры Преображенского полка — капитаны, капитан-поручики и поручики; полковые адъютанты и самый младший по чину — только что произведенный Анной прапорщик Обухов. Одни из них подписали прошение Татищева, но, похоже, не ожидали, что императрице опять предложат какие-то условия — и сорвали весь его план. Другие ни в какой «политике» замечены прежде не были и явились защитить свою «полковницу» от происков «бояр». Угрозы группы гвардейских офицеров (37 человек с

майорами) и кавалергардов (36 человек) заставили собравшихся принять решение о вручении Анне «самодержавства».

Вслед за тем Анна потребовала подать «кондиции», которые «всемиловитейше изволила изодрать»... Последним днем заседаний Верховного тайного совета стало 28 февраля. В этот день правители сами составили манифест о «принятии самодержавства», который отнесли на подпись к императрице вместе с черновиками «кондиций». «Верховники» — как бы ни расценивать их политические взгляды и цели — не сумели ни выдвинуть приемлемый для «шляхетства» план государственного устройства, ни пойти на компромисс с другими представителями генералитета.

«Оппозиция» не смогла объединиться. Смелые «прожектеры»; вельможи, недовольные выбором «благодетельницы»; полковники и капитаны, сравнивавшие достоинства «кандидатов» в императоры; наконец, просто захваченные политическими спорами провинциальные служивые — как же трудно было им найти общий язык для того, чтобы совместно выработать новое государственное устройство страны! А если добавить давление «фамильных», корпоративных и карьерных интересов, открывшуюся возможность смелой интригой обеспечить себе счастливый «случай» или выпгужденную оглядку на желание влиятельного и чиновного родственника-«милостивца»...

Но и Анна понимала, что самодержавием обязана 162 собравшимся во дворце дворянам, что немногим отличалось от «выборов» ее «верховниками». Поэтому на следующий день в Кремлевском дворце была положена копия второго прошения и началась процедура ее подписания с привлечением «общественности». Первыми этот документ подписали главные герои — гвардейские офицеры. Приложились и архиереи во главе со «смирненным Феофаном». Затем шли подписи офицеров гарнизона, чиновников центральных учреждений, придворных — от высших чинов до «дозорщиков конюшенного ведомства»; московских купцов, мещан городских слобод и даже случайных приезжих, как «вологжанина посадского человека Дмитрия Сукина». За десять дней к прошению «приложили руки» 2246 человек. Инициаторы этой пропагандистской акции умело использовали — в отличие от своих противников — тактику «гласности» и традицию «земских» челобитных XVII века. Подписи подданных разного чина должны были демонстрировать «всенародную» поддержку самодержавной Анны, чтобы ее «всшество» не выглядело прихотью вельмож или гвардейских капитанов.

Победители и побежденные

В первые дни после победы власти издали манифест, гласивший, что «верные ж наши подданные все единогласно нас просили, дабы мы самодержавство в нашей Российской империи, как издревле наши пра-родители имели, воспрять изволили, по которому их всенижайшему прошению мы то самодержавство воспрять и соизволили». Но уже через две недели спохватились, ведь манифест допускал зависимость самодержца от воли «общенародия». Новый манифест от 16 марта 1730 г. о венчании Анны на царство уже не допускал и мысли о каком-либо ином источнике власти: «...От единого токмо всевышнего царя славы земнии монархи предержашую и крайне верховную власть имеют».

Далее последовала раздача «пряников» вместе с пока умеренным применением «кнутов». По случаю коронации раздавались звания, ордена и имения тем, кто помог Анне утвердиться на престоле: Андрею Остерману, Никите Трубецкому, Антиоху Кантемиру, Алексею Черкасскому. Новыми статс-дамами двора стали деятельно участвовавшие в борьбе за престол графини Головкина, Лопухина, Салтыкова, баронесса Остерман и княгиня Черкасская.

Применялся принцип «разделяй и властвуй». Молодой Иван Долгоруков уже 27 февраля был «выключен» из майоров гвардии, а 5 марта его посадили под домашний арест и потребовали вернуть вещи «из казны нашей». Одновременно фельдмаршалы В.В. Долгоруков и М.М. Голицын получили от Анны по семь тысяч рублей. Последнему императрица, кроме того, пожаловала четыре волости в Можайском уезде; жена князя стала первой дамой двора — обер-гофмейстершей, а сам он — президентом Военной коллегии.

Скорее всего, все эти меры должны были поссорить влиятельные фамилии. Датский посол Вестфален рассказывал, как фельдмаршал Голицын у ног Анны просил ее о прощении и оправдывался тем, что «хотел защитить наше несчастное потомство от такого произвола, назначив благоразумные границы их (монархов) непомерной власти и власти фаворитов, которые немилосердно нас мучили». М.М. Голицын скончался в том же 1730 г. при не вполне понятных обстоятельствах; его старший брат прожил еще несколько лет, прежде чем его обвинили в покровительстве зятю при получении наследства и заключили в Шлиссельбургскую крепость, где Д.М. Голицын и умер в 1737 г.

После коронационных торжеств Долгоруковых отправили сначала в почетную ссылку — губернаторами и воеводами в Сибирь, Астрахань и Вологду. А затем Василий Лукич был навечно заточен в Соловках, а Алексей и Иван Долгоруковы отправились по следам Меншикова в Березов. Фельдмаршал В.В. Долгоруков угодил в заточение за то, что посмел «собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять». У опальных были конфискованы вотчины, дома, загородные дворы и почти 25 тыс. душ «бывших князей». За ними тут же выстроилась очередь, многие владения Долгоруковых перешли в руки новых владельцев; даже знаменитому шуту Анны, отставному прапорщику Балакиреву, достался дом в Касимове. В 1739 г. на ссыльных обрушилось новое следствие, на этот раз окончательное. Осенью этого года «верховники» Алексей и Василий и фаворит Петра II Иван Долгоруковы были казнены...

В выигрыше оказался обрадовавшийся было ограничению власти императрицы, но воздержавшийся от подписания проектов капитан-командор Иван Федорович Козлов. При Анне он спокойно выслужил генеральский чин, стал членом Военной коллегии; на одном из ее заседаний он в числе прочих решал вопрос о содержании когда-то вызывавших его с докладом «на ковер», а теперь заточенных фельдмаршала В.В. Долгорукова и Д.М. Голицына.

Всем офицерам гвардейских полков императрица дала великолепный обед. В отличие от прошлых «революций», императрица решила наградить не отдельных лиц, а весь офицерский состав гвардии — как только появился «премиальный фонд» в виде конфискованных имений «фамилии» Долгоруковых.

Капитаны получили по 40 душ, капитан-поручики — по 30, поручики — 25, подпоручики и прапорщики — по 20 душ. Награды семновцам были несколько меньше, поскольку основную роль в событиях сыграли преображенцы. При раздаче учитывались конкретные заслуги офицеров: кому-то пожалования увеличили с 40 до 50 душ, другим уменьшили до 20 и 15. Награды ожидали и рядовых. 26 февраля Анна повелела выдать 141 рубль гвардейцам-именинникам и 38 рублей — новорожденным солдатским детям. В марте 1730 г. дворянам-рядовым разрешили отправиться в долгосрочный отпуск — в Преображенском полку этой милостью воспользовались 400 человек.

Особо отличившихся награждали в индивидуальном порядке. Выказавший личную преданность императрице 25 февраля преображен-

ский капитан И. Альбрехт отдельным указом получил 92 двора в Лифляндии и стал майором. Больше всего получили главные участники событий: С.А. Салтыкову пожаловали 800 дворов, а «переметчику» А.И. Ушакову — 500. В среднем же восстановление самодержавия «стоило» казне примерно 30 душ в расчете на каждого офицера — не слишком большая цена за ликвидацию российской «конституции». Но для многих гвардейцев с 20-30-летним стажем и это являлось немалой наградой, ведь многие за десятки лет службы так и оставались беспоместными и подавали прошения: «Во время всех походов, акций, атак и приступов и в морских кампаниях был при полку всегда безотлучно, а деревень родовых и купленных не имею...» Мы уже никогда не узнаем, задумывались ли они над тем, что могли повести себя 25 февраля 1730 г. иначе, или для них и проблемы такого выбора не существовало?

В 1730 г. гвардия сохранила сплоченность и приверженность своей «полковнице» — как и пять лет назад при возведении на престол Екатерины I. Но тогда гвардейцев привели их командиры. Теперь же гвардия — в первый раз — выступила как самостоятельная политическая сила. Переворот «сделали» обер-офицеры — ротные командиры. Именно они обеспечили порядок в своих частях, они возглавляли дворцовые караулы и добились нужного им поворота событий, когда сочли предъявленные императрице требования неприемлемыми. Символично, что среди «восстановителей» самодержавия оказался дед первого дворянина-революционера кавалергардский капрал Афанасий Прокофьевич Радищев. При этом среди подписавших прошение о восстановлении самодержавия нет ни одного солдата или унтер-офицера — они пока еще находились вне «политики» и исполняли приказы старших.

Аннинский режим получил у потомков имя «бироновщины» и эпохи «немецкого засилья». Этот образ царствования утвердился не без помощи исторической беллетристики и оказался удивительно живучим; хотя историки еще в XIX веке указывали, что созданный поэтами и романистами образ эпохи не соответствует действительности: что управляли государственными делами совсем не «немцы», которые к тому же не представляли сплоченной «немецкой партии», и т. д.

Тайная канцелярия была вовсе не похожа на спецслужбы новейшего времени с их разветвленной структурой, многотысячным контингентом штатных сотрудников и нештатных осведомителей. В то

время она была скромной конторой, в которой служили полтора десятка чиновников и один «заплетный мастер». Однако плохая «социальная репутация» правления Анны вызвана репрессиями именно против представителей господствующего сословия: почти треть осужденных Тайной канцелярией принадлежала к «шляхетству» — Анна хорошо запомнила, кто подписывал проекты в 1730 году. В результате аннинское десятилетие отучило дворян ставить политические вопросы — в этом, кажется, и состояла главная «заслуга» бироновщины перед российским самодержавием.

День воцарения Анны (19 января) ежегодно отмечался по особому ритуалу с выражением чувств в стиле национальной традиции. Гостям во дворце надлежало пить «по большому бокалу с надписанием речи: "Кто ее величеству верен, тот сей бокал полон выпьет"». «На людей, пьющих умеренно, — пояснял этот обычай английский консул Рондо в 1736 г., — смотрят неблагосклонно; поэтому многие из русской знати, желая показать свое усердие, напились до того, что их пришлось удалить с глаз ее величества с помощью дворцового гренадера».

Бироновщина «закрывала» для дворянства возможность легальных политических действий, одновременно увеличивая его тяготы в виде поголовной и постоянной службы — и тем самым стимулировала попытки дворцовых переворотов. Анна срочно создала два новых гвардейских полка, Измайловский и Конногвардейский, куда брали солдат и офицеров из армии, из прибалтийских «немцев» и украинских полков. Но скоро былая корпоративность гвардии будет утрачена. Уже не только поручики, но и рядовые примут самое активное участие в «свержении» Бирона в 1740 г., а в декабре 1741 г. 300 пьяных гренадеров-преображенцев возведут на престол Елизавету Петровну, не спрашиваясь министров и генералов. Гвардия стала опасной и непредсказуемой силой — это было платой за «переворотное» сохранение самодержавия.

Но и в случае успеха «затейки» верховников последствия были бы одною не однозначно благими. А.С. Пушкин проницательно заметил, что утверждение самодержавия в 1730 году «спасло нас от чудовищного феодализма», но «если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и загради-

ли путь к достижению должностей и почестей государственных». Пушкин видел главную опасность не в ограничении самодержавия, а в создании замкнутой правящей касты и ликвидации сильной власти, способной вмешиваться в отношения помещиков и крестьян. Во второй трети «осмнадцатого столетия» претендовать на политические права могли только дворяне. Но сословие это в ту пору больше интересовалось крепостными душами. Две главные цели русского либерализма — политические свободы (конституция, ограничение самодержавия) и гражданское равенство (ликвидация крепостного права) оказались в трагическом противоречии. Должна была миновать целая эпоха, эпоха «просвещения», чтобы разрешение двух «проклятых» вопросов стало возможно на совершенно новых основаниях.

Подробнее на эту тему:

Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725-1740. СПб., 1994.

Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880.

Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. Рязань, 2003.

Милоков П.Н. Верховники и шляхетство // Из истории русской интеллигенции. СПб., 1903.

Протасов Г.А. Верховный тайный совет и его проекты 1730 года (источниковедческое изучение) // Источниковедческие работы. Тамбов, 1970. Вып. 1. С. 65-103.

Протасов Г.А. Дворянские проекты 1730 г. (источниковедческое изучение) // Там же. 1971. Вып. 2. С. 61-102.

Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 146-153.

Публикации шляхетских проектов и предложений Верховного тайного совета см.: Бестужев-Рюмин К.Н. Документы о восшествии на престол императрицы Анны Иоанновны // Памятники новой русской истории. СПб., 1871. Т. 1. Отд. 2. С. 1-10; Конституционные проекты в России XVIII — начала XIX вв. М., 2000. С. 167-193; Плотников А.Б. Программный документ Верховного тайного совета в 1730 г. // Россия в XVIII столетии. М., 2002. Вып. 1. С. 38-49.